

**ИСКАТЕЛИ
ВЕТРА**

ПРОЛОГ

В эту ночь Луку не повезло. Пришлось заступать в чужую смену, да еще и толком не выспавшись. Ежась от утренней прохлады, стражник постукивал ногами и грел в рукавах озябшие пальцы. Каждую уну¹ его мысли возвращались к грандиозной пьянке, которую должны были устроить в пятой казарме в честь праздника Имени. Основная часть гарнизона намеревалась начать с утра пораньше, а он тут ерундой занимается!

— Лопни твоя жаба, — пробормотал солдат и шмыгнул покрасневшим носом.

Если комендант боится несуществующих врагов, почему не приказал закрыть ворота? Последние годы огромные сорокаярдовые створки стоят нараспашку даже ночью, и ни одна крыса так и не осмелилась через них проскользнуть. Для чего усиливать караулы, если гораздо проще опустить решетку.

Проклятый тупой капитан! Проклятый сержант! Проклятая судьба, лопни твоя жаба!

Бормоча под нос ругательства, Лук направился по стене от башни Льда к башне Огня. По пути кивнул приятелям, пьющим горячий шаф², услышал очередную шуточку в свой адрес, вяло отбилса и поскорее пошел прочь, пока ему не напомнили о долге. Отдавать деньги Лук не слишком любил.

Врата Шести Башен — величайшая крепость мира, созданная самим Скульптором, перекрывала единственный перевал через западную часть Самшитовых гор. Легендарная цитадель за свою тысячелетнюю историю выдержала не один штурм, но ни разу не была взята. Армия Наботора сломала о серые камни зубы и потеряла много воинов. Чтобы заставить крепость сдаться, потребуется нечто более прочное, чем сталь и храбрость.

Пока существуют Врата — мягкое «подбрюшьё» Империи надежно защищено.

Лук увидел, как из башни Дождя на стену вышли две женщины. Хо-

¹ В сутках — 24 нара. В наре — 60 минок. В минке — 60 ун. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Г о р я ч и й ш а ф — слабый алкогольный напиток со специями, настоянный на хмеле и различных травах (чабрец, ромашка, зверобой, липа). Х о л д н ы й ш а ф — бодрящий напиток без алкоголя, изготавливается преимущественно из мяты и ромашки.

дящая и Огонек. Маги о чем-то беседовали, и стражник, не решаясь прервать их разговор, остановился. Отвернулся к бойнице, разглядывая окрестности.

Он родился в небольшой степной деревушке и даже теперь, через шесть лет после того, как увидел заснеженные пики, не уставал поражаться красоте горных вершин. Врата, построенные между двух хребтов, перекрывали въезд в долину, откуда начиналась дорога в глубь страны.

В былые годы на юг шло множество караванов. Оружие, шелка, ковры, пряности, лошадей и сотни других товаров провозили через Врата из далеких земель. Но золотые времена миновали, дорога опустела. Лишь местные пастухи да разведчики, которых комендант то и дело рассылал по соседним ущельям, осмеливались ходить по старому тракту и лезть в негостеприимные горы.

Хотя с разведкой в последнее время творилось что-то странное. Уже второй отряд северян задерживался. А ведь по всем срокам давно должен был вернуться. Командор бесился, срывал зло на капитанах, а те соответственно на сержантах и простых солдатах.

Стражник, в отличие от офицеров, втайне радовался, что десяток, в котором служит рыжий Га-нор, все еще гуляет по окрестностям. Лук должен северянину деньги. А с монетами у него не очень. В последний раз слишком много продул в кости. Почти все месячное жалованье ушло на раздачу долгов, лопни твоя жаба! Сейчас в кошельке остался один сол¹ — это не те деньги, которые согласится принять Га-нор, а отдавать придется, северяне народ прямой, коли что не так — сразу в зубы.

Солдат высунулся в бойницу, смачно плюнул. С надеждой проследил за плевком, мечтая попасть в какого-нибудь зазевавшегося олуха, но под стеной, к вящему разочарованию Лука, никого не наблюдалось. Он в сотый раз за утро выругался и вернулся к созерцанию окрестностей.

Перед Вратами раскинулся небольшой городок. Низенькие домики были сложены из круглых камней и глины, взятой с берегов ближайшей горной реки. В поселении жили семьи пастухов, торговцев шерстью и искателей серебра. Людей нисколько не пугало, что они живут на самой границе. Крепость неприступна, солдаты опытные. Сюда никакие горные племена не сунутся. Они уже не раз получали по носу и знают, что Врата не взять. Быстрее прогрызть под горами проход, чем обрушить могучие стены неприступной цитадели.

В воздухе, несмотря на раннее лето, пахло легким морозцем. Солнечные лучи окрасили розовым снежные пики кутающихся в дымку гор. Светило медленно поднималось из-за восточных кряжей. Еще минка, и снег на вершинах засиял столь ярко, что Лук зажмурился и вновь помянул жабу.

Когда стражник открыл глаза, он увидел, что на пустой утренней дороге показались два тощих мула, тянущих старенький фургон. С такой

¹ Сол — мелкая серебряная монета.

высоты тот был не больше ладони, но Лук никогда не жаловался на плохое зрение и прекрасно разглядел, что на козлах сидит женщина.

Одета едва ли не в лохмотья. С виду — настоящее чучело. Воин недоменно нахмурился. Кто-то из поселенцев вздумал направиться в Ельничий брод? До него пятнадцать лиг. Везти шерсть на ярмарку, устроенную в честь праздника Имени, глупо. Для успешной торговли следовало выезжать наров на шесть раньше. Теперь же только зря животин гонять. Если и поспеешь, то к самому закрытию торговли.

Странный фургон. Незнакомый. И баба эта... Точно нищенка...

Лук, нахмурившись, попытался вспомнить, у кого в городке два столь исхудалых мула и повозка с синим верхом в придачу? Перебор знакомых имен и прозвищ ничего не дал. Если стражника не подводила память — такой рухляди он ни у кого не видел. За время службы ему не раз довелось стоять у Створок, и всех, кто отправлялся по делам в Ельничий брод, солдат хорошо знал.

Тут одно из двух. Во-первых, мало ли кто проехал в городок, пока была не его смена? Во-вторых, неизвестный фургон мог притачиться из-за перевала. А следовательно, из самого Наботора.

Странной повозке оставалось проехать до Врат ярдов двести, когда Лук окликнул болтавшего с двумя другими стражниками приятеля:

— Эй, Рек!

— Чего тебе?! — недовольно откликнулся тот.

— Глянь.

Рек недовольно заворчал, но все же повернулся в указанном направлении. Несколько ун он с безразличием смотрел на дорогу, а затем перевел взгляд на Луку:

— И что?

— Знаешь такую?

— Нет.

— Вот и я нет. Уж не с перевала ли?

Услышав про перевал, остальные солдаты высунулись в бойницы.

— Капитану бы сообщить... — неуверенно протянул Рек.

— Вот сам и сообщай, — пробормотал Лук. Но потом все же порекомендовал:

— Крикни вниз, чтобы проверили, чего там и как.

Рек отвернулся от бойницы, приложив руки ко рту, зычным голосом рывкнул стоявшим во внешнем крепостном дворе стражникам. В этот самый момент из казармы появился капитан с двадцатью несчастными, обреченными заступать на службу в праздник.

Между тем двое стражников вышли за стену и не спеша направились к фургону. Еще с десяток, в основном любопытствующие, встали у Створок. Женщина натянула поводья и что-то ответила на вопрос солдата. Лук бы дорого дал за то, чтобы слышать, что именно. Через мгновение он увидел, как из фургона выскочили восемь человек. Шестеро оказались облачены в доспехи и прилично вооружены. От вида еще двоих кровь за-

стыла в его жилах, а в животе неприятно закололо. Они носили белые ба-лахоны!

Некроманты Сдиса!

Стражник хотел крикнуть, привлечь внимание Ходящей, но от страха у него пропал голос. Вытаращив глаза, он смотрел на то, как воины в цветах набаторского королевства убивают опешивших солдат и бегут к цитадели.

Внизу завязался бой.

Что-то треснуло, взвыло, зашипело, и капитана вместе с его людьми кровавыми ошметками разметало по крепостному двору. Посох одного из сдисских колдунов излучал серое сияние.

Вновь громыхнуло, на этот раз не в пример громче прежнего, и от некроманта и ближайшего к нему набаторца осталось мокрое место. Ходящая призвала Дар, а Огонек стояла рядом, прижимая ладони к спине Госпожи.

— Врата! Закройте Врата, лопни твоя жаба! — взревел опомнившийся Лук.

Он увидел, что со стороны городка к крепости во весь опор скачут несколько сотен всадников. Рядом с набаторцами, не отставая от лошадей ни на шаг, бежали худые, похожие на черных скелетов создания.

Морги!

Рек оказался у огромного рога и, набрав в легкие воздуха, дунул. Низкий рев разнесся над башнями, возвещая о тревоге и поднимая гарнизон на ноги. Отовсюду бежали ничего не понимающие люди. Многие были без оружия.

Створки ворот, наконец, дрогнули и начали медленно закрываться.

Слишком медленно.

Под стеной кипел бой. Шестерка набаторских воинов при поддержке уцелевшего колдуна могла продержаться до прихода основных сил. Загрохотала опускаемая решетка, затем еще одна. Тут же взревело, и по крепостному двору разнесся предупреждающий крик, что «колдун сжег решетки».

Если Ходящая в ближайшие уны ничего не сделает — дела плохи.

Словно отвечая на мольбу Лука, воздух замерцал, сгустился над Госпожой и Огоньком, превращаясь в гигантское многогранное ледяное копьё. Оно развернулось, нацелилось на сдисца... В это время сидевшая на козлах фургона женщина отвлеклась от созерцания схватки и вскинула руку.

Грохнуло!

Луку на мгновение показалось, что он умер и оказался под барабаном бога северян — Уга. В ушах звенело, вокруг висела плотная завеса пыли. Стражник с удивлением понял, что упал.

Он ошеломленно потряс головой, встал на четвереньки. В ушах шумело, по лицу, кажется, текла кровь. Сплевывая попавший в рот песок и

отчаянно кашляя, он с трудом встал на ноги и бросился туда, где стояла Ходящая.

Гигантские камни, сложенные в стену великим Скульптором, оказались вырваны и разбросаны на сотни ярдов. Одна из глыб упала на казарму второй роты, превратив ее в руины. Другая, пущенная точно из катапульты, — разбила фасад башни Дождя. Третья рухнула на дорогу, раздавив в лепешку пяток набаторцев вместе с лошадьми и троих зазевавшихся мортов.

Участок стены, по которому пришелся удар магии, оказался сильно поврежден. Словно великан молотом ударил. Но Ходящая была жива. Позабыв недавнюю робость перед владеющей Даром, Лук бросился к женщине. И содрогнулся. Таких ран он не видел за всю службу и теперь старался смотреть только на уцелевшее лицо. Лишь сейчас он понял, что ей не больше девятнадцати лет и у нее небесно-голубые глаза.

Она улыбнулась и сказала очень тихо, но удивительно внятно:

— Передай сестрам, Корь вернулась.

Проклятая!

— Вы уверены, Госпожа? — пролепетал задохнувшийся от ужаса Лук.

Ходящая не ответила. Глаза ее погасли, и стражнику отчего-то ужасно захотелось плакать.

Черeda магических ударов обрушилась на Врата. Они уцелели, но перестали закрываться. Передовой отряд набаторцев продержался ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы всадники и морты влетели во двор.

Началось избиение. То и дело серым полыхал посох дисца.

Проклятая все так же сидела на козлах фургона и со скукой наблюдала, как бесконечная сине-черная лента втягивается в павшую цитадель...

ГЛАВА 1

День выдался жарким, и коровы, лениво пережевывая жвачку, прятались от полуденного зноя в тени бредняка¹. Замученный оводами годовалый теленок по пузо залез в реку и то и дело окунался, сгоняя с себя злощих насекомых. Пегая мамаша протяжным мычанием пыталась выгнать сынка из воды, но тот был слишком занят и не обращал на призывы никакого внимания...

Порк огорченно вздохнул и отложил самодельную дудочку в сторону. Какая тут может быть музыка, когда вокруг такой шум? Проклятущая корова не унималась. Надо бы выгнать теленка из реки, да лень. И без толку это. Опять забредет.

День казался бесконечно долгим. Кувшин молока опустел наполовину, хлеб остался нетронутым. Есть не хотелось. Работать, впрочем, тоже.

¹ Б р е д н я к — кустистое растение, обычно встречающееся у берегов рек.

Пока деревенская ребятня ловила форель и играла в рыцарей, ему приходилось присматривать за буренками. Впрочем, брать в свои игры великовозрастного деревенского дурачка дети не хотели. Порк соответственно ужасно обижался, не понимая, почему все над ним смеются и крутят пальцем у виска.

Зевнув, он уже собрался поспать, благо тень от кустов, где он разлегся, еще не скоро уползет в сторону, но тут заметил, что вдалеке, на дороге, появилось четверо всадников. Не торопясь, они перебрались через реку по крепкому, срубленному крестьянскими руками деревянному мосту и, добравшись до Лысого камня¹, направились в сторону деревни.

Выпятив нижнюю губу так, что слюни потекли на рубаху, Порк с интересом смотрел на незнакомцев.

Желающих заглянуть в Песью Травку всегда было немного. Деревня находилась в нескольких лигах от отрогов Самшитовых гор, среди дремучего Лесного края. Сюда редко кто приезжал.

Всадники совершенно не походили на сборщиков податей Наместника. У тех — красивые черно-белые мундиры, которые Порк очень мечтал примерить, а у этих — простые кожаные куртки да льняные рубахи.

— И герольда с трубачами нет, — забормотал дурачок под нос. — Не-е-е, воины Наместника куда лучше. Правда, у этих мечи тоже есть. Острые. Гораздо острее отцовского ножа, которым Порк порезался до крови. Больно было, ух! А у одного даже арбалет. Наверное, настоящий. Из такого стрельнешь — дырка будет. Был бы у Порка арбалет, больше бы никто над ним не смеялся. У Гнута есть лук, и над ним не смеются. Не-е-е!.. Его девушки любят. Да. И лошади у этих дядек лучше деревенских. Такие враз растопчут, мокрого места не останется. Рыцарские кони. Когда Порк уйдет из деревни, тоже рыцарем станет. Дев спасать будет. Но эти дядьки — не рыцари. Где тогда разноцветные гербы, плюмажи и доспехи? У каждого рыцаря должны быть! А тут нету. Если они и рыцари, то — неправильные. Да. А мож, это разбойники? Не, тоже не похожи... Даже пятилетняя мелкота, которую родители не отпускают в лес за грибами, знает, что разбойники так смело по дорогам не разъезжают — иначе солдаты Наместника повесят их на ближайшей осине. Да и таких рыцарских коней у разбойников нет. А еще все разбойники злые, трусливые, грязные и с ржавыми ножами в зубах! Эти не такие. К тому же что им делать в деревне? У местных отродясь ничего ценного не было. Разве что лихие людишки, как называл их отец, ршат брюкву у старой Розы спереть.

Порк представил, как шайка немых, заросших бородами, сжимающих в зубах тесаки мужиков, кряхтя, перелезает через плетень и, испуганно озираясь по сторонам, выкапывает из грядок злой бабки брюкву. А та стоит на крыльце, потрясает клюкой и костерит недотеп на чем свет

¹ Лысый камень устанавливают на всех перекрестках. По поверьям, он не дает злу найти дорогу к домам людей.

стоит, призывая проклятия на их дурные головы. А может и клюкой кинуть, гадина. В Порка, когда он сломал ей однажды забор, кинула. Вот такенная шишка на голове была! Отец сказал, что Порк теперь точно поумнеет. Но ничего не случилось. Над ним, как и раньше, все смеялись, называли дураком и в игры свои не брали. Ну и не больно-то хотелось, если честно.

Один из всадников заметил пастуха, что-то сказал товарищам. Те съехали с дороги и через поле направились прямо к нему.

Поначалу Порк сильно струхнул. Хотел броситься наутек, но убежать — значит, оставить коров без присмотра. А ну, как разбредутся? Ищи их потом. Опять же, если корова в овраг забредет, обрешься, но не вытащишь. От отца крепко влетит. Не углядел — получи крапивой или хворостиной. Неделю на задницу не сядешь. Так что бежать — смысла нет. Да и до леса далеко. А эти вооруженные бугаи на лошадях. Догонят, тогда уж точно накостыляют. К тому же еще неизвестно, зачем они идут, а отец точно по голове не погладит. И, выбрав между явной и призрачной угрозой, Порк решил остаться на месте и посмотреть, что будет дальше.

Всадники приблизились, натянули поводья.

— Ты из деревни, приятель? — спросил самый пожилой из четверки. Худой, высокий, с острым лицом и глубоко посаженными умными глазами, мужчина смотрел на Порка без злобы. Приветливо и чуточку насмешливо.

Еще никто не называл Порка «приятелем». Пастуху понравилось, как это звучит.

— Ага,— кивнул осмелевший дурачок.

— Из Песьей Травки?

— Ага.

— Далеко до нее?

— Не. Не очень, дяденька. Вон за тем пригорком. Как на него забере-тись, так сразу и увидите.

— Добрались наконец,— с видимым облегчением выдохнул другой мужчина — с лицом, изъеденным оспой.— Хорошо же он заныкался, а, Кнут?

— Ты сомневался в словах Молса, Бамут? — усмехнулся тот, кто назвал Порка «приятелем».

Третий всадник — совсем молодой — ответил согласным ворчанием. Он Порку сразу не понравился. Хмурый и злой. Такой запросто по ушам надает. И смеяться будет.

— Трактир у вас есть?

— В таком-то захолустье?! До гор не больше десяти лиг, какие тракти-ры?! — сверкнул голубыми глазами молодой.

— Есть у нас трактир,— обиделся пастух.— Прямиком у дороги, если через деревню ехать. Большой такой. С трубой красной. Там пироги вкусные. И шаф. Мне раз отец дал попробовать. А вы зачем к нам? А мечи у вас настоящие? Подержать дадите? А лошади, они рудесской породы,

да? Ваши? Как у рыцарей! А я тоже скоро рыцарем буду. Быстрые, наверное? Вы сами не рыцари, случаем?

— Погоди, погоди! — весело рассмеялся худой. — Не все сразу. Экий ты торопливый, приятель. Давай вначале я спрошу. Коровы-то твои?

— Не. Я за ними гляжу. Ага.

— Нравится?

Пастух надулс и посмотрел на мужчину обиженно.

Издевается. А еще «приятелем» звал. Он думал, что они уже друзья.

Человек вновь рассмеялся. Трое других всадников хранили молчание и даже не улыбались. Казалось, их совершенно не интересует разговор.

— А дворов в деревне сколько?

— Много. — Порк показал пальцы на руках. — Шесть раз по столько.

— А ты грамотный. Считать умеешь, — с уважением сказал человек.

— Не, — шмыгнул носом дурачок. — Мне отец сказывал, что так. Сам я не считал.

— Скажи, приятель, новые люди у вас в деревне есть?

— Это вы про людей Наместника, что ль?

— Ну, хотя бы и про них.

— Они еще в начале весны приезжали. Красивые. Важные. И на конях. Теперь только к концу осени ждем. А других не было. Все свои. Только лесорубы приходят.

— Лесорубы? — заинтересовался человек с оспинами.

— Ага, — довольный тем, что может вести важную беседу, поспешно кивнул Порк. — У нас они лес рубят, а потом по реке ажно в Альсгару славляют. Из наших деревьев, знаете, какие корабли, говорят, делают? Ого-го! Всем кораблям корабли. Они плавают. Да.

— И что лесорубы?

— Да не знаю я, дяденька. Они к нам на лето приезжают. Живут в землянках, за Земляничным ручьем. Злые. Меня однажды побили и рубаху новую порвали. Потом еще и от отца попало, за рубаху-то. Да. А осенью обратно уходят. Не хотят зимовать. Говорят, дороги снегом заваливает. Не выберешься до конца весны.

— Говорю же — болото, — бросил молодой.

— Не. Тут у нас горы недалече. А еще, говорят, Врата Шести Башен, тока я их не видел. А до болота идти надо через лес несколько дней. Там, знаете, какая топь? Пойдешь — утопишься.

— Вряд ли нашего друга следует искать среди лесорубов, — как бы между прочим бросил все это время молчавший, похожий на хорька котышка.

— Вот и я так думаю. А скажи-ка мне, приятель. Ты всех в деревне знаешь?

Порк подозрительно прищурился. Странные люди. Он им про злых лесорубов, а они опять про деревню. И про солдат Наместника спросили.

— Да ты не бойся, — с улыбкой успокоил его худой. — Мы нашего дру-

га ищем. Ему лет как вот этому, — он ткнул в сторону человека переболевшего оспой. — Волосы светлые, глаза серые, улыбается редко и из лука стреляет лучше всех. Знаешь такого?

— Из лука лучше всех стреляет Гнут, но у него волосы черные, а одного глаза и вовсе нету.

— С ним еще женщина. Высокая и красивая. Волосы светлые, длинные, и глаза синие. Ну, так что? Есть в вашей деревне такие люди?

— Может, и есть, — неохотно ответил пастух. — Некогда мне вспоминать. Коров пасти надо. Отец ругаться будет.

— Надеюсь, вот это улучшит твою память. — Всадник бросил Порку монетку.

Тот поймал ее, да так и остался с открытым ртом. Этот глупый дядька бросил ему целый сол! Теперь можно купить вкусных сладостей и съесть, пока никто не видит. Порк ни с кем делиться не будет. Пусть знают, как дураком обзывать! Пастух попробовал денежку на зуб и поспешно, чтобы не отобрали, спрятал к себе в котомку.

— Вы их здорово описали, да. И Парса и жену его — Анн. Я сразу узнал.

Мужчины переглянулись.

— Где нам их искать?

— Да очень просто. Он на окраине, недалеко от кузницы живет. У него дом приметный — на воротах коняшки с крыльями выточены. Красивые. Я таких же хочу. Как проедете через всю деревню, так и увидите.

— Давно он у вас живет?

— Не помню. — Дурачок наморщил лоб, усиленно вспоминая. — Давно.

— Бывай, приятель, — сказал худой.

Незнакомцы развернули лошадей. Когда они выбрались на дорогу, до них долетел крик Порка:

— Эй, дяденьки! Только Парс из лука стрелять не умеет. Он плотник!

— И надо тебе было с ним нянчиться, Кнут? — недовольно поинтересовался тот, кого Порк про себя прозвал «молодым». — Чего с дураком разговаривать? В деревне у любого встречного спросили бы.

— Ты меня еще учить будешь. Встречный — не придурок. За сол не купишь. Не знаешь ты деревенских. Упрутся рогом, если наши морды не поправятся, ничего не выведаешь.

— Пощекотать их ножичком.

— Ну, тогда уж дураком ты будешь, Шен, — усмехнулся Кнут. — Четверо против скольких? Это тебе не окрестности Альсары с забитым мужичьем. Местные при виде твоей железки наутек не бросятся и цацкаться с тобой не будут. Места тут дикие. Каждый за себя постоять может. Похватают топоры да дрыны, мало не покажется. Никакой ножичек не спасет.

— Ну, тогда мы сами могли бы все дома проверить. Где-нибудь да нашли бы его.

— У тебя все просто. Шестьдесят дворов! Сколько, по-твоему, нам понадобится времени, чтобы их объехать?

— Ну, нар. Может, два.

— Во-во. А если найдется добрая душа, которая побежит и предупредит его до нашего появления? А он решит, что с нами ему говорить не о чем. Тогда что? К Молсу ты сам пойдешь оправдываться?

Последний аргумент напрочь отбил у молодого желание спорить. Он недовольно поджал губы и умолк.

Между тем всадники взобрались на пригорок и увидели Песью Травку. Деревня располагалась по обоим берегам неширокой реки. Дурак обманул, дворов насчитывалось больше шестидесяти. Справа от дороги — небольшой погост, чуть дальше — вырубки. На том берегу — поля, на которые наступала угрюмая стена непроходимого леса. Деревня, затерянная на отшибе провинции, взята в кольцо лесов, невысоких холмов и множества оврагов.

Отряд Кнута добирался сюда от Альсгары долго. Последние дни приходилось ночевать под открытым небом. На лиги вокруг — ни одной таверны. Про сносную еду, вино и баб вовсе забыли. Только комарье да мошка. Хоть вой. Слава Мелоту, что они не встретили в дебрях ни лесных духов, ни говов¹. Держались дороги. Правда, если злые создания из чащобы не лезли, то звери — только так. Позавчера на них вышел откормленный медведь. Бамут схватился за арбалет, но пронесло. Отогнали бурого огнем, безо всякого кровопускания.

— Эта... А блаженный-то не сказал, на каком из берегов искать нашего плотника, — изрек изуродованный оспой Бамут.

— Найдём. Дела-то осталось всего ничего. Главное, добрались. — Кнут послал лошадь вперед.

Спутники, не мешкая, последовали за ним. Они проехали мимо погоста, у которого даже не было ограды. Миновали колодец, где две бабы ругались, кому первой набирать воду. И оказались в западной части деревни.

На них косились. Здесь редко видели чужаков, да еще и на лошадях. Но с вопросами не приставали.

Трактир всадники нашли быстро. Дом, и правда, оказался приметным. Большим, с красной трубой и разрисованными воротами. Хозяин, завидев постояльцев, чуть шафом не подавился. Выпучил глаза так, что Кнут начал опасаться, что трактирщика хватит удар.

Свободные комнаты конечно же были.

— Редко к нам гости заезжают, — пряча полученный от невысокого гостя сорен², торопливо бормотал хозяин. — Пожалуйте, пожалуйста.

¹ Г о в — разновидность низших демонов.

² С о р е н — золотая монета.

Если кто и едет, так сразу к Ельничному броду. Мы на отшибе. Откушать желаете? Быстро все приготовим, ахнуть не успеете.

— Как ты тут не разорился? Постояльцев-то, поди, мало?

— С середины весны никого не было. Только благодаря дровосекам да нашим живу. Шаф и вино приходят пить. Но это к вечеру. А сейчас у меня пусто. Стеснения ни в чем у вас не будет. Проходите, проходите. Слава Мелоту, пославшему вас к моему скромному очагу!

— Кузнец-то в вашей деревне есть? Лошадь хромает, — как бы между прочим поинтересовался Кнут.

— Конечно! Старый Морген. Прямо по дороге, господин хороший. Потом направо, через нашу площадь и до конца деревни. У самого леса. Не ошибетесь.

Шен и Бамут многозначительно переглянулись и вновь запрыгнули в седла. Кнут и невысокий, отзывавшийся на кличку Гнус, последовали их примеру.

— Подготовь комнаты и ужин, — бросил через плечо старший. — Мы скоро вернемся.

Трактирщик поспешил уверить добрых господ, что все будет в лучшем виде, и убежал исполнять поручение. Ему и в голову не пришло подумать о том, зачем к кузнецу отправились все четверо, когда лошадь захромала только у одного.

— По словам дурачка, это где-то недалеко от кузницы.

— Если он не наврал, — заметил Шен.

Кнут хмыкнул. Щенок мечтает, чтобы дурак их обманул. Это было бы отличным подтверждением того, что командир ошибся.

Не дождется.

Кнут не очень понимал, зачем Молсу понадобилось разбивать их испытанную троицу четвертым. Шен слишком молод для того, чтобы думать. Вначале делает и лишь после осознает последствия. Глупо. Так долго и подохнуть.

— Если наврал, вернусь и утоплю в реке, — стараясь не показывать раздражения, ответил Кнут. — В любом месте всегда найдется дурак, готовый выдать ближнего своего.

Они медленно ехали по улице, внимательно посматривая по сторонам. Из-под забора с визгливым лаем вылетела грязная, лохматая псина. К лошадям подбежать не посмела, но поливала всадников бранью до тех пор, пока те не скрылись из виду.

— Кажется, нашли. — Гнус кивнул на ворота. — Вот «коняшки».

Действительно, на деревянных воротах были выточены тонконогие лошади с лебедиными крыльями. Дом, который они искали. Большой, светлый, сложенный из сосновых бревен.

— Вот видишь, Шен, — улыбнулся Кнут. — Хотя бы иногда следует доверять людям. В том числе и дуракам.

Молодой лишь скривил губы.

— Бамут, останься. Пригляди за лошадьми,— приказал командир отряда.

— Эта... А если он огородами дернет?

— Плохого же ты мнения о нашем друге.

— Люди со временем меняются. Эй! Эта! А ну-ка, оставь арбалет в покое!

Последние слова были обращены к Шену, потянувшемуся за притороченным к седлу оружием.

— С чего бы? — не понял тот.

— Делай, что велят,— поддержал товарища Кнут.— Мы приехали поговорить. Спокойно поговорить. Эта штука может все испортить.

— Да вы никак боитесь, ребята?!

— Не твоего ума дело, чего мы боимся, а чего нет,— влез в разговор Гнус.— Твоя забота помалкивать!

Коротышку Шен уже давно выводил из себя. Велика вероятность, что рано или поздно они крепко поцапаются, и после ссоры один уже никогда не встанет. Кнут ставил на Гнуса. Опыта, замешенного на жестокости и коварстве, тому не занимать. Сколько душ за пазухой у маленького убийцы, знает только Молс.

— Заткнулись оба! — зарычал Кнут, видя, что молодой держит арбалет уже не так небрежно, как раньше.— Все разборки в городе, когда вернемся, если у вас появится такое глупое желание. А сейчас у нас общее дело. Не хватало, чтобы вы тут поножовщину устроили. Сразу говорю, если сцепитесь — вылетите из гильдии быстрее, чем Молс успеет подумывать о ваших именах. Я ясно выражаюсь, тупицы?

— Ясно, командир.— Гнус убрал руку с ножа.— Погорячился.

— Все понятно,— покладисто согласился Шен, передавая арбалет Бамуту.

— Тогда давайте делать то, зачем приехали. Говорить буду я. Не дергайтесь. Шен, тебя это в первую очередь касается.

— Да понял я, понял! Что ты со мной как с маленьким?

— Потому что рубить капусту мечом это одно, а разговаривать с огородником — совершенно другое.

Сказав это, Кнут открыл калитку и вошел во двор, сразу увидев того, кого искал.

Раздетый по пояс человек колот дрова. Шен слышал о нем от своих приятелей, но представлял совсем другим. Здоровым, сильным, с большими ручищами и огромными кулаками. Тот, кого в Альсгаре знали как Серого, совсем не соответствовал образу, созданному воображением Шена. Мужчина не был здоровяком. И не казался гигантом, способным одним движением открутить голову быку-пятилетке. Ничего угрожающего. Худощавый и жилистый. Ни капли лишнего жира, но и бугров мышц не заметно.

Шен и раньше знал подобный тип людей. Силы им не занимать, вон

какие жгуты жил на руках. Крепкий парень. И, наверное, выносливый, как сотня блазгов. Тяжеленный колун так и летает.

В этот момент человек прервал работу и увидел гостей. Прищурил серые глаза и небрежным движением поменял хват на колуне. Этот жест не укрылся от внимания вошедших. Шен напрягся и замедлил шаг, Гнус бросил быстрый взгляд по сторонам. Лишь Кнут остался спокоен. Он улыбался, только настороженные глаза говорили о том, что командир напряжен, точно взведенный арбалет. Не дойдя до хозяина дома пяти ярдов, посланник Молса остановился.

— Здравствуй, Серый.

Тот вызывающе помолчал, затем все же ответил:

— Здравствуй, Кнут.

— Как поживаешь?

Плотник нехорошо усмехнулся:

— Неплохо. До сегодняшнего дня.

Кнут предпочел не заметить усмешку хозяина:

— Хорошо обосновался. Глушь, лес, река, никакой городской суеты.

И дом отличный.

— Не жалуюсь, — последовал сухой ответ. — Что тебя сюда привело?

— Дела конечно же. Мы можем поговорить?

— Странно... Я думал, именно этим мы сейчас и занимаемся.

— В дом не пригласишь?

— Там грязно, — последовал угрюмый ответ.

Кнут хмыкнул:

— Шесть лет прошло, а ты ничуть не изменился. Все так же не рад гостям.

— Семь, если быть точным. Привет, Гнус.

— Привет, Нэсс. Не думал, что когда-нибудь тебя увижу. Ловко ушел на дно.

Хозяин пожал плечами:

— Раз вы нашли, значит, не так хорошо, как хотелось. Следует полагать, что Бамут остался за воротами?

— Ты же его знаешь. Не любит парень ходить по гостям. Тебе привет от Молса.

— Старый добрый Молс... — протянул плотник. — От него сложно скрыться.

Хозяин дома сделал шаг вправо и вперед, обходя наколотые дрова, и Гнус как бы невзначай скопировал его движение, отшагнув назад. В отличие от Шена, маленький убийца предпочитал сохранять между собой и недружелюбным хозяином дистанцию. Нэсс впервые за время разговора понимающе улыбнулся и воткнул колун в колоду. Провел рукой по соломенным волосам.

Напряжение немного спало.

В этот момент на крыльце появилась высокая молодая женщина. Светлые, почти белые волосы стянуты в тугую косу, длинная черная

юбка, льняная рубаха. Она увидела незнакомцев, и в синих глазах сверкнул гнев, а тонкие губы сжались в прямую линию. Тень набежала на ее лицо, и Кнут помимо воли потянулся к кошельку. Там у него лежал благословленный жрецом Мелота талисман. Он знал, что амулет против нее не поможет, но глупое суеверие оказалось сильнее его. Лишь в самый последний момент одернул себя, убрал руку.

Теперь ему приходилось не упускать из виду и мужчину и женщину.

— Доброго дня, Лаэн.

Она проигнорировала приветствие. Посмотрела на мужа. Тот ответил ей тем же. Казалось, что они разговаривают мысленно. Лаэн развернулась и вошла в дом. Перед тем как закрыть за собой дверь, бросила на незваных гостей предупреждающий взгляд.

Гнус облегченно перевел дух. Все время, пока женщина находилась на крыльце, он не дышал.

— Кажется, раньше вы работали втроем? — спросил у Кнута Нэсс.

— Работали.— Командир скорчил кислую мину, показывая, как он счастлив тому обстоятельству, что ему всучили четвертого.

— Ладно, говори, зачем пришел.— Хозяин надел рубаху.

— Молс шлет тебе привет.

— Никогда не поверю, что он заставил тебя проделать весь путь ради одного привета.

Кнут поморщился:

— Не только ради этого. Он просил передать, что за твою голову дают пять тысяч соренов. И столько же за Лаэн.

Плотник остался невозмутим:

— Неужели ты огорчишь меня и скажешь, что Молс нуждается в деньгах?

— Нет, он просто хотел тебя предупредить. В память о старой дружбе.

— Очень мило с его стороны. Как он меня нашел?

— Откуда мне знать? Ему на ушко пташки щебечут. Мне сказали — я сделал, и только-то. Предложение поступило недели две назад. Прошел слух, что ты жив. Доказательства явно были серьезными, раз из тебя хотят сделать трофеем. Согласись, за такие деньги дураки найдутся.

— О да. Что в нашем мире никогда не переводится, так это дураки.

Гнус, расслабься и убери руку с ножа.

— Прости, привычка,— поспешно извинился тот и в доказательство мирных намерений даже отошел к воротам.

— Слушок о таких деньжищах, как ты понимаешь, не остался незамеченным. Ваши жизни под угрозой.

— Что еще хотел передать мой старый друг?

— Всего ничего. Цену назвал Йох Трехпалый.

В серых глазах вспыхнуло пламя. И тут же погасло.

— Что же. Спасибо за новости. Передавай Молсу мою благодарность.

— Вообще-то он очень рассчитывал, что ты передашь ее лично.

— Я не настолько соскучился по Альстару, чтобы возвращаться.

— Здесь опасно — любая крыса вас знает. Не спрячетесь. Мы остановились в трактире. Будем дней пять-шесть. Если передумаешь, дай нам знать.

— Почетный эскорт?

— Вроде того. Бывай.

Кнут, не говоря больше ни слова, пошел к воротам. Последним выходил Гнус. Что характерно — пятясь.

ГЛАВА 2

Я не стал их провожать. Слишком много чести. Остался на крыльце, наблюдая за тем, как недомерок закрывает за собой калитку. Этот парень — та еще мерзость. В старые добрые времена в Альсгаре мы столкнулись с ним на узкой дорожке. В тот раз сойти с нее пришлось Гнусу. Но это не означало, что он признал мое право брать лучшие заказы. Отнюдь. Всего лишь вынужденное и временное отступление. И сейчас, спустя годы, от него можно ожидать любых неприятностей. Я не стану поворачиваться к нему спиной.

Неожиданное появление «товарищей» по бывшему делу произвело на меня впечатление. Забери их Проклятые! У меня до сих пор не укладывалось в голове, как нас смогли найти. Пять лет переездов с места на место, и все впустую!

Мы нигде подолгу не задерживались, старались не заводить не то что друзей, даже знакомых. Вели себя тише воды, ниже травы. Я и Лаэн знали: несмотря на то что для всех мы давно мертвы, нас продолжают искать. Особенно искали в первые два года.

Мы благополучно избежали неожиданных облав. Тогда по множеству примет стражники, солдаты Наместника и люди Ходящих искали мужчину и женщину. Дважды нас едва не взяли, и дважды мы сухими выходили из воды. Потом, когда уже все успокоилось, мы все равно продолжали осторожничать. Так прошло еще три года. Затем, уверившись, что о нас все забыли, я привез Лаэн на самые задворки Империи. На юг. За страну болот блазгов. В леса.

В деревне мы провели два спокойных и счастливых года. Жизнь в глуши особого удовольствия ни жене, ни мне не доставляла, но приходилось тянуть время, выжидать, а затем попытаться вернуться к морю и сесть на какой-нибудь корабль. Уплыть куда подальше.

И вот в тот момент, когда я начал считать дни до отъезда, в наш дом бесцеремонно вваливается прошлое, от которого мы так долго и успешно бегали. Уму непостижимо, как нас смогли найти после тех заячьих петьель, что были накручены за это время.

Смешно!

То, что не смогли сделать шпионы Ходящих, без труда провернул старина Молс. Как? Как?! Как, побери меня Бездна, он смог нас отыскать?!

Дверь распахнулась, и Лаэн села рядом. Какое-то время мы молчали. Слышали, как приятели Кнута залезают на лошадей и отъезжают от дома.

— Что думаешь? — спросил я у жены.

— Правду говорят — как не беги от прошлого, оно рано или поздно тебя догонит. У нас в запасе неделя, не больше. Потом здесь станет слишком опасно.

— Жаль, что придется все оставить. Дом хороший.

Мне и в самом деле было не по себе. Забавно. Все время мечтал уехать из этой дыры, а как настало время делать ноги, жалко бросать. Жилье как-никак построено моими руками.

— За эти годы ты успел стать настоящим домоседом, дорогой,— усмехнулась она.— Раньше ты им не был.

— Ты тоже была другой,— я скопировал ее усмешку.— Пришло времечко отправляться в дорогу.

— Молс может врать. Он давно хочет отправить Трехпалого в Счастливые сады. А тут мы так удачно подвернулись. В любом случае нам придется убрать заказчика. Молс именно на это и рассчитывает. Кнут не зря сказал, что он ждет личной благодарности.

— Убрать Йоха придется, это правда. Но вот поможет ли это нам? Если те, кто нас искал, сели на хвост, все впустую. Нам не дадут спокойно жить.

Лаэн нахмурилась и положила голову мне на плечо. Мое солнце принимала, о ком идет речь и кто еще может нас искать. Те самые люди, из-за которых нам пришлось инсценировать свою смерть и навсегда покинуть Альсгару семь лет назад...

...Снег шел второй день. С низких серых небес безостановочно падали крупные белые хлопья. Они оседали на мостовых, площадях, деревьях, сторожевых башнях, рыночных палатках, красных черепичных крышах, шпилях храмов Мелота и шапках прохожих. Альсгара Зеленая, как называли столицу южной провинции Империи, превратилась в Альсгару Белую.

Больше всего свежему снегу радовалась детвора. Всем остальным он доставлял лишь неудобства. На дворе начало весны, а снег валит, словно во время праздника Лун¹. До чего же мерзкая погода!

Я выругался про себя и потер руки в перчатках. Пальцы начинали коченеть. На чердаке, где я маялся вот уже третий нар, властвовал холод. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Окно давно выбито, и сюда задувал ледяной ветер. К этой неприятности добавлялось еще одно неудобство — темнота. Скучный свет, струящийся с вечерней улицы, несколько не помогал. А свечу я зажечь не рискнул. Конечно, шанс, что огонек увидят прохожие, невелик, но рисковать не стоит.

¹ Праздник Лун — большой религиозный праздник, проходит в середине зимы.

Проклятье! Ну и холод! Я стал усиленно тереть руки, пока в кончики пальцев вновь не вернулось тепло. Хорошо, что это не лютая зима. Иначе я бы уже давно околел.

Я осторожно выглянул на улицу. Опять выругался. Еще полнара, и окончательно стемнеет, а цели до сих пор нет. Опаздывает на нар. Дважды ударил колокол на Надвратной башне Высокого города¹. Девять наров. Проклятье! Ну где же она? Где?! Я поймал себя на том, что нервничаю.

Немудрено. Куш, который нам с Лаэн отвалили, был немаленьким. Пятнадцать тысяч соренов золотыми имперскими — сумма сумасшедшая. Никогда ни за чью голову не давали таких денег. Даже за Наместника. Так что заказ стоил всех возможных последствий. Мы решили рискнуть.

Да. С нынешней работой придется завязать и навсегда исчезнуть, но с такими деньгами (кстати говоря, выплаченными вперед) и море по колено.

Когда я рассказал Лаэн о предложении, поступившем от неизвестного заказчика, она не стала меня разубеждать бросить это рискованное занятие. Понимала, что я уже попался на крючок. Выслушала молча. Молча встала и ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Вернулась лишь через нар. Я не знал, где она была все это время. По покрасневшим глазам видел, что плакала, но спрашивать ничего не стал. Она не любила, чтобы кто-то видел ее слабость. Так что пришлось сделать вид, что я ничего не заметил.

Лаэн села за стол, взяла меня за руку и кивнула. Мое солнце все еще была со мной. А это означало, что мы беремся за дело. Без ее участия заказ не стоил выеденного яйца блазга — вынесут вперед ногами.

Обзор с чердака оказался ужасный. Не видно подходов и отходов. Лишь небольшое пространство перед выходом на площадь и то, что находилось непосредственно под окном. Я знал, что стрелять придется из крайне неудобного положения. Цель будет на виду всего ничего.

Любой, хоть немного понимающий в стрельбе из лука, скажет, что устраивать «гнездо» на таком месте — глупо. Именно поэтому я и выбрал его. Когда начнется переполох, все внимание охраны обратится на колокольню и стоящий напротив нее дом богатого вельможи — там можно устроить отличные засады. И очень удобные. Но сидеть в подобных «секретах» не стоит, иначе после выстрела можно будет уйти только в одном направлении — на кладбище. А я считал, что туда мне отправляться еще рано.

«Нэсс?»

Лаэн «молчала» уже больше нара, и прозвучавший в голове голос заставил меня вздрогнуть.

«Здесь», — мысленно ответил я ей.

¹ В с о к и й г о р о д — самая старая часть Альсгары, построенная на так называемой Скале, вокруг которой впоследствии вырос остальной город.

«Цели нет. Я волнуюсь. Если не появится в ближайшие пятнадцать минок, придется уходить».

«Понял».

Я скрипнул зубами от досады. Она права. В темноте шанс промахнуться слишком велик. А мазать нельзя. Нужен точный выстрел. Один. На второй просто не будет времени.

Тепло ласковым ручейком пробежало по позвоночнику, и я расслабил напряженные мышцы. Благодарно выдохнул. Прислонился к стене. Находящаяся на другом конце улицы напарница знала, когда прийти на помощь.

Лаэн обладала Даром, хотя не была ни Огоньком, ни Ходящей. Она умела разговаривать на расстоянии с любым человеком. Впрочем, этим ее способности не ограничивались, но о большинстве других талантов Ласки не знал никто, кроме меня.

Как она сумела разжечь «искру» без помощи Ходящих — я не понимал. И не хотел расспрашивать о ее прошлом, а она никогда не заводила такие разговоры. Возможно, оно было слишком темным, поэтому не стоило лезть в ее душу. Положа руку на сердце, мне было все равно, кем она была раньше. Я просто поставил себя перед свершившимся фактом — Лаэн владеет Даром, и точка. Я знал, что люблю ее и могу ей доверять. Мы были не только друзьями и напарниками, но и семьей. О последнем никто, кроме Молса, не догадывался. Но тот ни о чем не спрашивал, в чужие дела не лез.

«Есть! Вижу ее. Приготовься».

Я, не суетясь, снял теплые перчатки, убрал их за пояс. Надел те, что для стрельбы. Затем взял в руки стовосьмидесятифунтовый¹ лук. Уперев нижний рог в землю, надавил на верхний и, задержав дыхание, с усилием натянул тетиву. Я пристреливал это чудовище больше недели и без труда пробивал дубовую доску на расстоянии двухсот ярдов. Жаль, что придется его бросить. Но после убийства выходить с этим на улицу — вселенская глупость.

«Готов».

«Идут по улице. Быстро. Будут у тебя через минку».

«Понял».

«По моему знаку ...»

Я кивнул и только потом понял, что Лаэн не может меня видеть.

«С ней шестеро. Два Огонька и четверо гвардейцев. У двоих арбалеты».

«Меня больше волнуют Огоньки».

Вновь горячая волна.

«Не беспокойся. О них позабочусь я».

Я хмыкнул. Лаэн должна сделать самое сложное — ошеломить двух

¹ Фунт — мера веса, равная приблизительно 400 г. В данном случае говорится о силе натяжения тетивы.

ведьм, снять защиту, создаваемую ими над целью. Не надолго. Всего лишь на три, быть может, четыре уны. Этого времени должно хватить на выстрел.

Внезапно падающие снежинки закрутило. Спустя мгновение их скорость и направление стали другими. Северо-западный ветер сменился северным. Плохо.

«Ветер изменился.— Лаэн также не забывала следить за обстановкой.— Северо-запад. Порывы. Четверть пальца».

Четверть пальца. Еще хуже. Придется брать упреждение и молиться Мелоту, чтобы во время выстрела капризная стихия не взбрыкнула. Хорошо, хоть лук не слабый да стрела тяжелая.

«Вижу. Знаю. Спасибо».

«Двадцать ун. Они возле дома казначея. Идут к тебе».

Я постарался выровнять дыхание. Вдох, выдох. Это обычный выстрел. Ничего более. Я стреляю из лука, сколько себя помню. Я прошел войну в Сандоне. А на войне все гораздо сложнее. Тут никто не бежит на тебя с мечом. Надо всего лишь увидеть, прицелиться и сделать то, за что нам заплатили.

Взяв лежавшую на полу стрелу с белым, сделанным из неизвестного мне материала наконечником, быстро проверил оперение. Не повреждено ли?

Стрелу передал человек заказчика вместе с вознаграждением. Когда Лаэн ее увидела, то наотрез отказалась брать в руки. Сказала лишь, что подобная штука создана для того, чтобы убивать в людях основу их Дара, гасить «искру» и уничтожать саму душу волшебника. Поначалу я отнесся к подобному «гостинцу» с предубеждением. Но использование странной стрелы — было одним из жестких условий заказа. Пришлось поскрипеть зубами и согласиться. Но я до сих пор не знал, как она поведет себя в полете.

«Встречаемся в Гавани¹, где договорились. Если не приду через нар — уходи без меня».

«Ты прекрасно знаешь, что без тебя я никуда не уйду!»

Мы собирались покинуть город не так, как это запланировал заказчик. Слишком велик шанс, что он (или она) решит избавиться от исполнителей. Лаэн разработала собственный план и теперь собиралась проверить его в деле. Никто, кроме меня и ее, не знал о том, куда мы направимся после задания. Для всех Серый и Ласка исчезнут. Умрут.

Я положил стрелу на тетиву и уже не отрывал глаз от заснеженной улицы. Полумрак. Идиоты-фонарщики опять запаздывают. Проклятье! Именно сейчас мне нужен свет!

«Все еще северо-западный. Полпальца. Через минку изменится на северный».

«Запомнил».

¹ Г а в а н ь — район Альсгары у самого моря.

«Удачи. Вот они!»

И тут я их увидел. Группа людей быстро шла в сторону Крестцовой площади. Впереди два гвардейца, за ними женщина. Потом еще две. Шествие замыкала пара солдат.

Края наконечника стрелы неожиданно замерцали лиловым. Я едва не отбросил ее в сторону.

«Лаэн! Стрела светится!»

«Не беспокойся. Она ощущает «искру» цели. Сто пять ярдов».

Не беспокойся? Если кто-нибудь из них догадается поднять голову и посмотреть в мою сторону, можно забыть об удаче.

«Какая из них? Та, что первая?»

«Девяносто пять ярдов. Нет. Вторая слева».

«Уверена?»

«Да. Слушай меня. Соболиная шуба. Девяносто. Как только скажу...»

Я видел маленькую женскую фигурку в соболиной шубе. Сейчас они подошли на минимальное расстояние, но я не стрелял. Плохой угол. Спусти уну вторая женщина закрыла собой жертву.

«Девяносто пять... Сто... Сто пять...»

Она уходила от меня все дальше и дальше. Еще ун двадцать, и соседний дом полностью перекроет обзор.

«Северный. Четверть пальца. Навстречу тебе едет фургон. Через восемь ун закроет цель. Жди. Сто десять...»

Я видел удаляющуюся спину. Но вполне доверял чутью Лаэн. Вот и фургон. Миг — и он проехал дальше.

«Сто пятнадцать... Давай!»

Недели тренировок не прошли даром. Я действовал, не думая. Вскинул лук, натянул «на разрыв»¹, выстрелил.

Танг!

Я тут же отскочил от окна к стене, успев заметить, что устремившаяся к цели стрела оставляет за собой лиловый след.

Лаэн действовала одновременно со мной. Конечно же я ничего не почувствовал, но знал, что защита ничего не подозревающих Огоньков оказалась смята.

Хлоп!

Улица на мгновение осветилась лиловым. Стрела нашла свою цель.

Бах! Бах! Бах!

Грохот снаружи известил о том, что Огоньки пришли в себя и ударили вслепую. Лаэн молчала, опасаясь, что теперь-то волшебницы смогут услышать наш «разговор». Очень надеюсь, что мое солнце уже ушла.

Я бросил лук и, на ходу снимая перчатки, покинул чердак. По шаткой лестнице спустился до второго этажа. Отпер дверь, вошел в загодя сня-

¹ Выстрел из мощных луков в большинстве случаев исключает долгое прицеливание и удержание натянутой тетивы. Из-за большой силы натяжения стрельба идет на так называемый «разрыв» (используется противоположно направленный рывок обеих рук).

тую комнату, быстро переоделся в лежащее на свежем хлебе платье подмастерья пекаря. Не забыл добавить на одежду и руки муки.

На ходу откусил от булки и, жуя, открыл окно, ведущее на задний двор. Примерившись, перепрыгнул на сарай. С него — прямо в высокий сугроб. Встал. Огляделся.

Пусто. Подбежал к низкому забору, без труда перемахнул через него и подворотнями вышел на узенькую улочку. А затем, никуда не торопясь, пошел прочь. С улицы Рукавиц доносились приглушенные расстоянием крики.

Отсюда было видно лишь возвышавшуюся колокольню. А точнее то, что от нее осталось. Озверевшие Огоньки, недолго думая, жахнули магией по верхним этажам ближайших строений, надеясь задеть убийцу.

Что же. Не зря я «свил гнездо» в менее заметном месте, иначе бы меня просто расплющило. Пока поймут что да как, мы с Лаэн будем уже далеко, а наши (якобы) трупы обнаружат полностью обгоревшими в старой берлоге Йуолы и Ктатака. Надеюсь, друзья простят, что мы сожгли один из их сараев.

Я быстрым шагом направился в ночь...

— Буду собираться. — Лаэн вздохнула и встала с крыльца.

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Семь лет прошло, а помню все, словно это было вчера.

— Да. Ты права. К завтрашнему вечеру желательно покинуть деревню. Я не смогу забрать деньги.

— Я схожу. Но только завтра.

— Одна? Уверена, что справишься?

— Вполне. Кнуту сообщать будем?

Кнут, может, и неплохой человек, но слишком сблизиться с ним не стоит.

— Нет.

Я хмурился. Идея ее похода в лес в одиночку не очень нравилась. Но деньги взять может только она. Это правда.

— А если он узнает и решит составить нам компанию?

Я просчитал варианты и произнес:

— Лучше бы ему не узнать.

Лаэн жестко усмехнулась и ушла в дом.

ГЛАВА 3

Га-нор наклонился к уху командира и едва слышно прошептал:

— Не нравится мне это.

Лохматый Да-тур ничего не ответил. Вместо него подала голос молчунья Та-ана:

— За все время, что мы здесь торчим, ни один из шестерых не пошевелился. Крепко же они спят!

Невысокая северянка была права. Спали горцы на удивление крепко.

Дети Ирбиса притаились на невысоком скалистом выступе. Внизу горел маленький костер, у которого, завернувшись в рваные одеяла, лежали враги. Осторожные горцы обычно всегда выставляли стражу, но сейчас она отсутствовала. И это не нравилось следопыту отряда. Можно предположить, что Га-нор не заметил секрета, но командир рыжеволосых воинов скорее отрубил бы себе руку, чем поверил в то, что его кровный брат пропустил опасность.

Неизвестность выводила из себя. Да-тур в который раз подумал, что их поход был проклят. А ведь поначалу ничто не предвещало беды! Несущие службу у Врат Шести Башен северяне знали ущелья и тропы Самшитовых гор, как свои пять пальцев. В землях Империи не найти лучших разведчиков, чем они. Ни один вражеский отряд не мог незамеченным проскользнуть через перевалы, если их стерегли Дети Ирбиса.

Когда десяток Да-тура вышел из Врат Шести Башен, никто не рассчитывал на неприятности. Все было тихо, пока отряд не спустился в долины за основной грядой. Здесь каждый поселок, каждая пядь земли кишели набаторскими солдатами. А затем Та-ана заметила среди врагов белую мантию сдисца. Разведчики, не мешкая, бросились в обратный путь. Следовало немедленно сообщить об увиденном коменданту Врат.

На обратном пути, в одном из угрюмых ущелий на них напал горный гов. Они глупо попались. Старую дозорную башню, оставленную имперскими солдатами еще во время Войны Некромантов, следовало обойти кругом. Северяне поторопились, решили срезать путь и пошли напрямик. Вот и нарвались на выбравшуюся из летней спячки голодную тварь. Выжило только трое. Да-тур, Га-нор и Та-ана. Семь Детей Ирбиса навсегда остались в узком ущелье.

Га-нор — высокий, рыжеусый и загорелый — приподнялся на локтях, посмотрел вниз. Нахмурил кустистые брови. Все же странно, что горцы не озоботились выставить охрану.

Ни движения, ни звука. Ничего, кроме далекого мерного гула — горная река гремит на перекатах. Нет никаких поводов для тревоги. Если это засада, то очень умелая. А умелые засады не входят в достоинства нетерпеливых горцев. Во всяком случае, так долго пролежать неподвижно чусы никогда не могли, если только они не были мертвецами...

И внезапно Да-тур понял.

— Клянусь шкурой ледяного демона! Они же мертвы! — ошеломленно сказал он.

— Давайте уйдем, — прошептала Та-ана и сама себе удивилась. Она никогда не боялась мертвецов, но все, что сейчас происходило, выглядело странным. — Не стоит беспокоить их души.

Га-нор мрачно кивнул и поддержал лучницу:

— До рассвета далеко. Мы успеем много пройти.

Да-тур тихо встал, прошел по скалистому карнизу с десятков ярдов, удалившись как можно дальше от костра, и спрыгнул вниз. За ним последовали его товарищи. То и дело оглядываясь, они поспешили прочь.

На западном склоне двуглавой горы внезапно польхнул зеленый светлячок. Он превратился в огненный шар, по крутой дуге взлетел в небо, завис в наивысшей точке, а затем рухнул туда, где остались тела чусов¹. Достигнув земли, шар бесшумно лопнул, разбрызгивая во все стороны изумрудное пламя.

— Сдисский колдун!

Это была засада, и ждали именно их. Вероятно, Белый, которого Та-ана видела вместе с набаторскими солдатами, заметил чужаков и решил остановить. К чему раньше времени тревожить гарнизон Башен?

— Уходим. Быстро!

Да-тур нутром чувствовал разливавшуюся по ущелью опасность. Он очень надеялся, что расставленная ловушка еще не захлопнулась и есть шанс ускользнуть из цепких пальцев некроманта.

— Берегись! Сзади! — крикнула стоявшая на карнизе лучница.

Командир отряда обернулся и отпрыгнул. Крепко выругался. Лежавшие вокруг костра мертвецы вставали с земли. Га-нор выхватил из-за спины меч. Эти создания оказались на удивление проворны. Северяне едва успели подготовиться к встрече.

Двое насели на Да-тура, еще один — на рыжеусого, а последний, четвертый, бодрой рысью направился к Та-ане. Женщина выпустила в лицо порождению магии стрелу, но безрезультатно.

Освещенные лунным светом искаженные лица, оскаленные зубы и горящие зеленым огнем глаза могли напугать кого угодно. Да-тур пронзил грудь одного из чусов, но это не произвело на противника ни малейшего впечатления. Подоспел Га-нор, уже успевший расправиться со своим врагом.

— Голову руби! — рявкнул следопыт, ловко подсекая ближайшему мертвяку ноги.

Командир крутанулся, снес слуге сдисца половину черепа и бросился на подмогу к девушке. Спустя минку все было кончено.

Двое мужчин тяжело дышали, Та-ана дрожащими руками вырезала из успокоившегося трупа стрелы. Да-тур взял низкорослую лучницу за шкирку, без труда поднял ее с колен и поставил на ноги:

— К Угу стрелы! Постараемся выйти из ущелья и затеряться в горах.

Они неслись вдоль ручья. По мокрым камням, едва касаясь земли. Ущелье превратилось в узкий каньон, скалы закрыли собой небо. Луну заслонили облака, и бежать приходилось при свете звезд. В темноте слышалось тяжелое дыхание воинов, звон ручья и все усиливающийся гро-

¹ Ч у с ы — самоназвание горных племен.

хот безымянной реки. Да-тур скомандовал привал. Га-нор тут же упал и приложил ухо к земле.

— Никого,— наконец выдохнул следопыт, вставая с камней.— Нас загоняют в ловушку, брат. Отсюда не выберешься.

Он был прав. По таким отвесным скалам заберется разве что мангуст. Если вход и выход из каньона перекроют, им не вырваться.

— Добраться бы до реки... — с надеждой протянула Та-ана.— По воде уйдем.

— Должны добраться,— решительно сверкнул глазами Да-тур.

Течение у берега оказалось сильным, и из воды они выходили с трудом. Плавать в темноте по быстрой, ледяной горной реке отваживались или самоубийцы, или Дети Ирбиса. Первые разбивали головы на перекатах, вторые выживали. Воины плыли больше полунара и благодаря скорости течения оставили опасность далеко позади.

Они попадали на камни, переводя дух. Впрочем, Та-ана тут же села на корточки и отжала волосы. Затем натянула на тисовый лук новую, сухую тетиву, раскрыла футляр из кожи и развернула промасленную бумагу, в которой хранились стрелы. Лучница понимала, что без лука ей и ее товарищам придется совсем худо.

Га-нор во время плавания наглотался воды и теперь кашлял.

Ветер разогнал облака, вновь появилась луна, и северяне увидели белесые и величественные руины древнего города. Люди покинули горную столицу бывшей имперской провинции, когда началась Война Некромантов. С тех пор минуло больше пятисот лет. В Герку — город Тысячи колонн, как называли его путешественники, так никто никогда и не вернулся. Столетия превратили бывшую жемчужину высокогорья в мертвое королевство холодного ветра. Он каждый вечер спускался сюда с покрытых снегом вершин и тоскливо завывал в руинах древних зданий. Это место называли городом призраков. Горцы обходили его стороной и не решались останавливаться на ночевку, если между ними и белыми стенами было расстояние меньше дневного перехода.

Но северянам сейчас было не до суеверий. Путь через Герку в пять раз короче других дорог. На южной оконечности города начиналась тропинка, ведущая на перевал, а там уж и до Врат рукой подать.

Они прошли через высокую арку того, что было раньше главными воротами, и оказались на широкой улице. Куда ни кинь взгляд — разрушенные дома и тысячи мраморных колонн, уходящих в небо. Лунный свет искрился на них, оживлял, заставлял казаться ослепительно прекрасными, как в те годы, когда здесь кипела жизнь. Серебристо-синие просветы пустой улицы, тяжелые тени старых строений, истрескавшаяся от времени каменная мостовая и почти невидимая глазу голубоватая дымка зарождающегося тумана...

Герка безучастно смотрела на чужаков темными провалами домов. Ей было все равно, кто и зачем пришел к ней. Лишь с ветром она пела